

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

JASANOFF JAY. *Hittite and Indo-European Verb*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 270 + xiv pp.

Джей Джезнов — видный индоевропеист, глава департамента лингвистики Гарвардского университета, автор книги [JASANOFF 1978] и многочисленных статей, преимущественно по морфологии индоевропейского, германского, хеттского и тохарского глагола. Рецензируемая книга представляет итог более чем 20-летних исследований, опубликованных в самых различных изданиях.

Автор начинает своё исследование с пересмотра общепринятой точки зрения на хеттское спряжение на *-hi*. Как известно, существуют две базовые версии о происхождении этой категории: согласно гипотезе, восходящей к Е. Курриловичу [KURYŁOWICZ 1932] и Хр. Стангу [Stang 1932], эта парадигма одного происхождения с индоевропейским перфектом, и первоначально была свойственна стативным глаголам. Согласно другой реконструкции, предложенной У. Каугиллом, данное спряжение состоит из отглагольных имён, утративших специфические именные флексии [COWGILL

1979]. В обоих объяснениях автор находит серьёзные недостатки. «Перфектная» теория, которую затем развивали Э. Риш [RISCH 1975] и Х. Айхнер [EICHNER 1975] основана на допущении, что перфект в раннеанатолийском праязыковом состоянии приобрёл значение результативного претерита, и затем присоединение презентного форманта **-i* превратило его в презенс: **dheH-na > dah-ha + -i > *dah-hai >* хет. *dahhi*; соответственно меняются флексии и других лиц: **-tHa > *-thai, *-e > *-ei*. В анатолийских языках дифтонг с *-i* монофтонгизируется после заднеязычных, затем монофтонгизация распространяется на всю парадигму.

В этой реконструкции Джезнов видит следующие сомнительные черты. Во-первых, непонятно, почему перфект, чьё первичное стативное значение общепризнанно, мог развиваться в обычный активный презенс. Нельзя сказать, что на это обстоятельство никто не обращал внимания ранее. Ещё Х. Педерсен [PEDERSEN 1938: 132] отмечал, что среди

глаголов на *-hi* есть небольшая группа непосредственных рефлексов индоевропейского перфекта, – со ступенью *o* корневого вокализма и стативным значением: *aki* ‘он умирает’, *sakki* ‘он знает’ и т.д. Но при этом в хеттском засвидетельствовано гораздо больше глаголов на *-hi* с той же ступенью *o* и активным значением: *laki* ‘сгибать’, *kanki* ‘взвешивать’, *uaki* ‘кусать’ и т.д. Стативное значение у таких корней выражается с помощью стандартных медиальных аффиксов: *lagari* ‘он гнётся’. Другое возражение против «перфектной» теории заключается в том, что возникший на базе перфекта претерит вовсе не общераспространён в хеттском: от глаголов на *-mi* он не образуется (*eszi* ‘быть’ – 1 л. *esun*, 3 л. *esta* и т.д.). Претерит от перфекта под названием плюсквамперфект хорошо известен в древнеиндийском; здесь он образуется от перфектной основы с помощью вторичных окончаний спряжения на *-mi*. Кроме того, за исключением формы **uoid-* На (греч. οἶδα, др.-инд. *veda*, лат. *vidi*, гот. *wait*, слав. вѣдѣ), все индоевропейские перфекты редуцированы, тогда как подавляющее большинство глаголов на *-hi* – нет.

Вариантом «перфектной» теории явилась «медиальная», разработанная в позднейших трудах Е. Куриловича. Пересмотрев свои старые взгляды, он предположил, что спряжение на *-hi* – не индоевропейское наследие, а внутрихеттский феномен, сформировавшийся на базе медиальной флексии [Kuryłowicz 1977]. Здесь, однако, возникают те же

проблемы, что и в «перфектной» теории. Отдельные глаголы, стоящие в медиальном залоге, могут утратить свою специфическую семантику, но трудно представить, чтобы это случилось с целым классом глаголов.

Принципиально иная теория предложена У. Каугиллом [COWGILL 1979]. Она базируется на различении «индохеттского» и «собственно праиндоевропейского» языковых состояний. Каугилл полагал, что на «индохеттском» этапе не существовало оппозиции презенса и аориста. В нём существовали глаголы с первичными, вторичными и медиальными окончаниями, а также так называемые «именные» глаголы. В собственно праиндоевропейском аористы развились из корней, имеющих лексическое значение завершенности: *dheh₁-ti*: *dheh₁-t* ‘он установил’, презенс же от такого глагола поначалу был итеративной редуцированной формой (**dhe-dheh₁-ti*). В анатолийском же первичные глагольные формы, оттеснённые в претерит, замещались в презенсе именными глаголами: **dhoh₁-e* ‘он устанавливает’ = ‘он установитель’. Именные формы, вошедшие в состав глагольной парадигмы, известны во многих языках мира, например, семитских. Дрезнов разделяет критицизм Каугилла по отношению к перфектной теории. Но трудности его собственной теории также существенны. Во-первых, сомнительно полное отсутствие оппозиции презенса-аориста в «индохеттском»: в самих анатолийских языках вполне достаточно

типов презенса (редуплицированных, назальных и т.д.), соответствующих презенсам в других языках и предполагающих наличие противопоставленного аориста. Во-вторых, из рассуждений Каугилла следует, что в праанатолийском оппозиция имперфектива-перфектива развилась самостоятельно, без какой-либо связи с индо-хеттским состоянием, что тоже сомнительно. В-третьих, установив наличие аспектуальной оппозиции в праанатолийском, Каугилл отбрасывает её именно тогда, когда она выполнила необходимую для его концепции роль. Объяснение Каугилла всё-таки имеет статус *ad hoc*.

Спорен вопрос и об именном происхождении глаголов на *-hi*. Как известно, подобные гипотезы возникали неоднократно. Ещё Бругман предполагал, что индоевропейский перфект происходит из прилагательных. Многие исследователи трактуют древнеиндийский пассивный аорист типа *áśrāvi* 'он был услышан', *ápādi* 'он упал' и т.д. как именные производные (см. обзор мнений в [Kümmel 1996]). Всюду главным аргументом выступает ступень *o* корневого вокализма. На это Джезнов с полным основанием возражает, что, согласно исследованиям последних двух десятилетий, аблаут имени и глагола принципиально един.

Таким образом, ни одна существующая теория происхождения своеобразной хеттской парадигмы не удовлетворяет американского лингвиста. Вся последующая часть книги – это попытка обоснования своей собственной

теории. Автор, однако, не излагает её сразу, а вводит индуктивно. По его мнению, материал явно свидетельствует о том, что презенс на *-hi* – это вполне автономная грамматическая подсистема, равнозначная презенсу на *-mi*. Однако внешнее сходство его флексий с перфектными действительно существует. Поэтому автор посвящает специальную главу реконструкции исконных окончаний этой категории. Здесь, впрочем, его реконструкции мало отличаются от традиционных. Следует отметить ряд проблем, на которых, на наш взгляд, стоило бы заострить внимание. Парадигмы перфекта, медиа и спряжения на *-hi* действительно сближаются. Особенно наглядно это в медиа спряжения на *-hi*. Если мы отсечём от парадигмы *-hari, -tati, -ari* элементы *-ri* и *-ti* (во вторичном происхождении которых никто не сомневался), то первичные формы *-ha, -ta, -a* будут непосредственным хеттским рефлексом общеиндоевропейской парадигмы **-Ha (*-H^e/_o), *-tHa (-tH^e/_o), -e/o*, из которой выводится и медий¹, и перфект. Следовательно, вопрос заключается в функции этой протопарадигмы. Ответа на него автор пока избегает, ограничиваясь замечанием об изначально стативном значении перфекта. В этой же главе даётся

¹ Вопрос о медиа представляется более сложным. В работах [Красухин 1987; 1989; 2004; Krasukhin 2000] показано, что обычная (дентальная) флексия медиа **-tō* есть вариант активной флексии **-t*, образованный путём передвижения на неё акцента. Эти рассуждения скорее справедливы для бездентального медиа, отражённого в вед. *duhē* '(корова) доится', др.-ирл. *berar* '(его) несут', хетт. *esari* 'сидеть'.

тонкая реконструкция окончания 3 л. мн.ч. В отличие от стандартных пособий, приводящих лишь праформы *-r/ *-ro, Джезнов на основе анализа ведического и особенно авестийского материала восстанавливает три варианта: перфектное *-r (авест. -rə), *-rs (авест. -rə, вед. -ur) и медиальное *-re/ *-ro. Особую роль в этой реконструкции играет авестийский плюсквамперфект cikoitərə/ cikoitərəš они свидетельствовали' (в нём автор видит также полную ступень вокализма, исконную для данного типа в множественном числе).

Установив автономность спряжения на -hi, автор переходит к описанию отдельных классов этих глаголов. Здесь он выделяет корневые презенсы и презенсы с суффиксом -i-. В первых он реконструирует совершенно особый аблаут, функционально подобный аблауту атематических глаголов на -mi, но материально отличный от него: в «сильных» формах – ступень o, в слабых – ступень e. Надо заметить, что корневые глаголы со ступенью o (типа гот. faran 'ехать', лит. kálti 'раскалывать', слав. борѣж, бодж) ранее рассматривались либо как итеративные, либо как именные по происхождению. Сам исследователь уже более четверти века [JASANOFF 1979] доказывает правомерность реконструкции особого акростатического презенса с аблаутом o/e. К этому типу он относит корни *molh₁-/ melh₁- 'молоть' (хетт. mal-lai, гот. malan, русск. молоть, но мелю), *sok-/ sek- 'знать' (хетт. 3 л. ед.ч. saki – 2 л. ед.ч. претерита sekten), а также

довольно многочисленную группу глаголов, демонстрирующих колебание вокализма в разных языках: др.-исл. berja-sk 'сражаться' (< barjan-sik), лит. bárti 'бранить', ц.-слав. брати, русск. бороться – лат. ferio 'яриться' (< *bho-rH-/ bherH-), гот. gaggan – лит. žėngti 'шагать'² (< *ghongh-/ ghengh-) и др. Отмечу, однако, что греч. βούλομαι скорее отражает 0 ступень, чем o³.

К глаголам на -i- автор относит подавляющее большинство глаголов с ларингальным ауслатом в хеттском.

² Литовские формы имеют особое значение. В старолитовском засвидетельствованы атематические глаголы barmi, žengmi. Джезнов полагает, что лит. -mi восходит к общебалтийскому *-mai, отражённому в др.-прусск. asmai 'я есмь'. Окончание *-mai есть контаминация *-m(i) и *-ai (< *-h₂e-i); таким образом, и литовские глаголы могут отражать первичное спряжение на *-h₂e. Происхождение древнепрусской флексии автор определяет совершенно точно. Ср. ещё 2 л. типа assei, строго соответствующее слав. iеси. Остальные же положения выглядят крайне сомнительно. Во-первых, у нас нет доказательств, что лит. -mi должно восходить непременно к *-mai. Акутовой интонации у этой флексии нет. Во-вторых, литовские атематические глаголы не имеют отношения к спряжению на -hi: esmi, esti – хетт. eszi, duosti – слав. дать, esti 'он ест' – лат. est, др.-инд. atti и т.д. Отметим, что, согласно Хр. Стангу, атематический характер глаголов žėngti и bárti в литовском носит вторичный характер. Первый глагол стал атематическим в силу непереходности (согласно общей постулируемой Стангом тенденции), второй, как и kálti, málti, восходит к интенсиву типа др.-инд. janghanti 'он с силой бьёт' [STANG 1942: 41; 1970: 199].

³ Р.С.П. Бекес [BEEKES 1969: 76] именует эту форму «совершенно неясной». Вопрос о её вокализме действительно остаётся sub iudice, т.к. кластер -ouλ- (эол. -oλλ-) может отражать *-ols- и *-]s-. Но с учётом, по-видимому, исконно тематического характера этого глагола следует признать более обоснованной наличие здесь 0 ступени. Предположение LIV о наличии здесь ларингала Джезнов вполне убедительно отрицает.

Развитие из и.-е. *dheh₁– ‘ставить’ хетт. dai/ tianzi, speh₁– ‘созревать’ – ispai/ ispiianzi неоднократно рассматривалось; делались попытки объяснить его фонетически, с постулируемым развитием h₁ > i. По мнению Джебзнова, этот класс глагола развился путём обычной деривации. Форма dai возникла в хеттском, по-видимому, как результат относительно позднего развития. Во всяком случае, йотовый презенс засвидетельствован только в славянском дѣѣж, дѣѣати⁴. Оманимичный же корень *dheh₁– ‘сосать’ представлен в большинстве языков именно в йотовой форме: хетт. titti(ska-/e-), др.-инд. dhayate, лат. filius ‘сын’ (< *dheilios) и т.д.

Помимо корневых и йотовых презенсов, к глаголам на hi относятся редуцированные и те, что в хеттском имеют суффикс –ahh–. Это, как правило, отыменные и фактитивные глаголы, находящие параллели в латинских глаголах на –ā–, славянских на –āi–. Они, как правило, являются отымёнными и/или итеративными.

Особый интерес представляют две главы, посвящённые аористу. Дело в том, что традиционно с хеттской парадигмой на –hi связывается только

⁴ Здесь возникает серьёзная проблема первичных и производных форм. Дело в том, что значение «делать» появляется в славянском только в производных формах глагола: дѣти, но дѣѣати. Аналогично соотносятся лат. con-do ‘основывать’, cre-do ‘верить’ с facio ‘делать’. В хеттском же в производном dai отражена первичная семантика, тогда как вторичная – «говорить» – выражена первичным temi. Первичный (правда, со ступенью o) глагол с вторичной семантикой «делать» засвидетельствован также в германских языках: др.-в.-нем. tuon, др.-англ., др.-сакс. don.

презенс и перфект. В классической реконструкции Куриловича резко противопоставляются презентно-аористная и перфектная системы. Первая изначально связана только со спряжением на –mi, вторая же – с той протопарадигмой, из которой происходят перфект, медий и спряжение на –hi.⁵ Вопреки этой традиции автор проецирует спряжение на –hi и в аорист. С ним связаны как корневые, так и сигматические аористы. Корневой аорист этой категории представлен в древнеиндийских пассивных формах, некоторые из которых были приведены выше. При их анализе автор вводит важное для его концепции понятие «протомедий». С точки зрения морфологии, протомедий характеризуется ступенью o, ударением на корне и флексией 3 л. –e. Семантика же этой категории может быть охарактеризована как неярко выраженная медиальная, т.е. означающее действие, направленное на себя, а также состояние (стативно-интранзитивное значение). Из категории протомедия развивается с одной стороны пассивный аорист, с другой – истинный медий (с флексией *–tó), с третьей – различные стативные глаголы, в частности, глаголы на *–io– типа др.-инд. manyate ‘думать’, греч. μοίνομαι ‘безумствовать’, а также германский III класс слабых глаголов и его индоевропейские соответствия (гот. habaif ‘от имеет’, munaif ‘он думает, обращает внимание’, лит. mini ‘он вспоминает’, вед. duhé ‘(корова) доится’⁶).

⁵ По выражению Станга [STANG 1932], медий – это проекция перфекта на презентную систему.

⁶ Соотнесению III класса с индоевропейскими

Именно протомедий и является источником спряжения на *-hi*.

Сигматический аорист, по мнению Джезнова, восходит (с известными трансформациями) к той же категории. Этот довольно парадоксальный вывод автор подкрепляет анализом прежде всего хеттской и тохарской парадигмой претерита. Действительно, в претерите спряжения на *-hi* 3 л. оканчивается на *-s*, а тохарский претерит представляет собой контаминацию перфектных и сигматической флексий:

К этой таблице требуются неко-

Тохарский А	Тохарский В	ОБЩЕТОХАРСКИЙ	ХЕТТСКИЙ
1. <i>prakwā</i>	<i>prekwa</i>	* <i>prek-(ä)wa</i>	<i>dāhhun</i>
2. <i>prakäst</i>	<i>prekasta</i>	* <i>prek-(ä)sta</i>	<i>dätta</i>
3. <i>prakās</i>	<i>preksa</i>	* <i>prek-(ä)s-a(t)</i>	<i>dās < da-s-t</i>
1. <i>prakmäs</i>	<i>prekam</i>	* <i>prek-(ä)mä-</i>	<i>dāwen</i>
2. <i>parkas</i>	<i>prekas</i>	* <i>prek-(ä)sä</i>	<i>dätten</i>
3. <i>prakär</i>	<i>prekar</i>	* <i>prek-är (/ -ä)räs?)</i>	<i>dair</i>

торые комментарии. 1) Джезнов восстанавливает пратохарский глагол со ступенью *e*; на самом же деле тох. А *ð* в корреляции с тох. В *e* соответствует праиндоевропейскому *o. 2) Автор с сочувствием цитирует мнение Вяч.Вс. Иванова (1965) и К. Уоткинса (WATKINS 1963) о том, что хеттская и тохарская парадигма отражает древнейшее состояние: элемент *-s* наличествует только в 3 лице. Следовательно, полная парадигма сигматического аориста в греческом и индоиранском и славянском, а также её следы в италийских языках – инновационными посвящена блестящая статья автора: [JASANOFF 1973].

ция. Но если это так, то реконструкция хетт. *dās* как *dā-s-t избыточна. Идея Иванова и Уоткинса состоит именно в том, что *-s* изначально было «пустым элементом», характеризующим 3 лицо глагола как «не-лицо». И, к примеру, вед. *áprās* ‘он наполнил’ соотносится с *áprât* не как суффиксальное производное, а как аллоформа, образованная с помощью морфемы *-s*, материально отличной от *-t*, но изофункциональной ей⁷. По-видимому, автор рассматривает форму *da-s-t как результат уже дальнейшего развития сигматического

форманта. 3) Отсутствие сигматического аффикса в большинстве тохарских форм не доказано. В частности, Д. Ринге (RINGE 1990) решительно утверждает, что сигматический суффикс в тохарском претерите наличествовал во всех лицах.

Другой важный результат этого развития – изменение ступени во-

⁷ Не вдаваясь в эту проблему, требующую отдельного исследования, отмечу, что морфема *-t* обобщилась по преимуществу как показатель лица, а *-s* – основы. Однако и *-t* могло выступать в основообразующей функции. Ср. дентальные глаголы во многих индоевропейских языках типа лат. *pesto* ‘клеить’ при греч. *τέκω*, а также дентальный претерит в оскском: *dedikatted* ‘посвятил’ = лат. *dedicavit*.

кализма в сигматической форме. По Джезнову, видоизменённая парадигма должна выглядеть так: *prók-he, *prók-the, *prék-s-t. Таким образом, сигматический аорист автор также относит к сфере «протомедия». Надо сказать, что отнесение сигматического аориста к сфере перфекта или медиа имеет довольно давние традиции. Это утверждал К. Уоткинс [WATKINS 1962], ссылаясь на то, что в Ригведе некоторые глаголы образуют только медиальные сигматические формы (diś ‘указывать’ – аорист adikṣi, adīṣṭa). Ф. Бадер [1989] подчёркивала, опираясь отчасти на хетто-лувийскую парадигму претерита, отчасти на формы типа греч. ἔλυσ-ε ‘(он) развязал’, что сигматический аорист – это разновидность медиа. В отечественной литературе сходные идеи развивала Б.Б. Ходорковская [1989]. Но не один из этих исследователей не ответил на вопрос о значении сигматического аориста, далёком от медиального. Более того, в древнегреческом сигматический суффикс иногда образует транзитивные формы: ἔστησα ‘я поставил’ – ἔστην ‘я встал’, ἔδυσσα ‘я погрузил’ – ἔδυν ‘я погрузился’, ἔβησα ‘я отправил’ – ἔβην ‘я отправился’. П. Кречмер на этом основании даже восстанавливал объектное спряжение в праиндоевропейском [KRETSCHMER 1949]; иначе объясняет это явление Г. Кёлльн [KøLLN 1969], но тесная связь сигматического суффикса именно с активным и переходным действием несомненна. К сожалению, автор, подобно своим предшественни-

кам, не пытается даже поставить вопрос о причинах такой трансформации значений. Конечно, можно привести некоторые аргументы в пользу теории Бадера. Так, хетт. 3 л. претерита arait означало ‘он остановил’, а arais – ‘он поднялся’. Но, на наш взгляд, это позднее явление, связанное с внедрением сигматического аффикса в 3 л. претерита спряжения на – hi. К этому добавим, что окончание –s совершенно не обязательно придаёт глаголу переходное значение. Не говоря уж о равнозначных pais — neiiazzi (презент) ‘он (по)вёл/ ведёт’, можно вспомнить dais ‘он установил’ — tet ‘он сказал’ (менее переходный глагол), tiiat ‘он стал’. Особенно показательно сравнение упомянутого pais с контекстом KUB XVI 76, 10: KI-kán neiat ‘К. повернулся’, где аффикс –t формально связан с переходным глаголом (Neu 1968: 123).

В целом же реконструированная Джезновым форма *prek-s-t оказывается удивительно похожей на глагол спряжения на –mi: та же ступень вокализма и морфология. Это вообще характерная черта сигматического аориста: у него принципиально та же флексия, что и у аориста корневого. Наличие дополнительного суффикса привело к её видоизменению (особенно в древнегреческом), невозможности в некоторых случаях развития слабой ступени вокализма и, как следствие, обобщение полной ступени в древнегреческом и развитие продлённой ступени в древнеиндийском⁸. Следовательно, суф-

⁸ Сходная причина лежит в основе «нартеновс-

фикс –s– сам должен иметь значение, переводящее глагол в категорию «протомедия». Но как же объяснить в таком случае его «транзитивирующую» функцию в древнегреческом?

Теперь попробуем оценить концепцию Дж. Джебзнова в целом. Подвергнув справедливой критике «перфектную» и «медиаальную» теорию спряжения на –hi, автор выводит эту категорию из «протомедия» – категории, стоящей в основе и медиа, и перфекта. То, что спряжение на –hi, действительно не может происходить из названных категорий – бесспорная истина. Но проблемы, столь зорко подмеченные автором, остаются и при принятии его реконструкции. Можно ли их решить? На мой взгляд, для этого необходимо меньше сопоставлять цельные категории⁹ и больше – составляющие их элементы. В частности, флексии спряжения на –hi не выводимы напрямую из перфектных или «протомедиаальных» –hai, –thai, –ei. Как показал Ф.Р. Адрадос [ADRADOS 1988], эту серию можно реконструировать как стоящую в *o* степени. Присоединившись к этому выводу, мы можем вспомнить, какую важную роль играл аблаут и передви-

кого» презенса: корень типа takṣ не мог образовать *o* степень вокализма.

⁹ Я не хочу сказать, что не нуждаются в сопоставлении отдельные парадигмы: они в этом нуждаются более всего! Но имена отдельных категорий («перфект», «медий» и т.д.) порой действуют на исследователей завораживающе. Лингвисты готовы забыть, что любая категория сложилась исторически и может состоять из элементов, относящихся к разным временным пластам. Такой реализм (в средневековом смысле) затрудняет исследование.

жение акцента в системе индоевропейского глагола. Баритонные формы с *o* степенью флексии обозначали активное действие, окситонные же формы с полной степенью и ударением на флексии характеризовали медий, как дентальный (*iug-tó > др.-инд. áyukta; *dhugh-é-i > др.-инд. duhé).

Напротив, характерной чертой перфекта была рецессия акцента на корень, приобретший степень *o* или – позже – редупликацию. По-видимому, это обстоятельство способствовало тому, что перфект в значительной мере утратил свою стивную семантику и продвинулся в результатив. Возможно, в прототипах хеттского спряжения на –hi эта рецессия произошла раньше, так что затронула и вокализм окончаний. И с этим процессом связана частичная утеря специфического значения, свойственного прототипам спряжения на hi. Это значение, на наш взгляд, лучше всего запечатлено в категории нестандартного медиа. Этой категории было посвящено довольно много работ за последние несколько лет. Ср.: [KRASUKHIN 2000; POOTH 2001; GARCIA CASTILERO 2002]. Сейчас у нас нет возможности рассматривать эти работы в целом. Отмечу только, что такие пары, как dégdhi ‘доить’: duhé ‘(корова) доится’, dádhāti ‘устанавливать’: dadhé ‘устанавливаться; зачать’, śrnōti ‘(слышать)’: śrnvé ‘(голос) слышен’ позволяют довольно точно установить значение этой категории: неконтролируемое состояние/ процесс, потенция (в противопоставлении реальному действию).

Что же касается аблаута *o* («сильные» формы)/ *e* (слабые формы), то он не является чем-то исключительным: греч. οἶδα ‘я знаю’ – причастие εἰδώς, λέλοιπα ‘я оставил’ – медий λέλειμμα. Сравнение с др.-инд. véda – vidváms, ríreka – rírísé показывает вторичность ступени *e* в данной грамматической подсистеме¹⁰. Она появляется в изначально безударных формах. Очевидно, её развитие произошло благодаря следующей аналогии: СёС– («сильная» форма): СоСé– («слабая» форма) = СбС– : х, где х = СеСé–. Сравнение древнегреческого и древнеиндийского материала показывает вторичный характер ступени *e*. В этой связи материалы Джезнова, доказывающие наличие исконного аблаута *o/e*, требуют переосмысления. Так, автор отмечает, что в глаголе sak– ‘знать’, который ему представляется наиболее ярким носителем черт «протомедия», ступень вокализма выровнялась в презенсе: sakki – saktēni. В претерите и императиве, однако, появляется ступень *e*: 2 л. мн.ч. имп. sekten, 3 л. sekkandu, 3 л. мн.ч. прет. sekkir. Этот аблаут сравнивается с таковым же в глаголах на –mi: 3 л. ед.ч. eszi ‘он есть’ – 3 л. мн.ч. asanzi, но 3 л. мн.ч. претерита eser. Форма asanzi, как и многие другие того же типа, отражает *o* ступень (Hs-ént-i). Форма же eser, как и ēppir ‘они взяли’, ekuir ‘они выпили’, по-видимому, близка по происхождению вед. 3 л. перфекта āsúr. Такая

форма во многом утратила стативное перфектное значение¹¹, превратившись в простой претерит. Благодаря ей, ступень *e* стала характерна для всякого претерита, в том числе и для sekkir.

В целом же исследование Джезнова чрезвычайно интересно. Автор сумел нестандартно взглянуть на старую проблему и поставить насущные вопросы о происхождении индоевропейских глагольных категорий. Если не все ответы на них убедительны, то во всяком случае можно сказать, что все они будят мысль.

Примечание. Пока наша рецензия готовилась к печати, монография Джезнова была положительно отрецензирована в журнале “Diachronica” Рональдом Кимом (2005, v. 21); “Kratylos” посвятил её две обстоятельные рецензии: Х.-Л. Гарсия Рамона (GARCIA RAMON 2006) и Н. Эттингера (OETTINGER 2006). Оба крупных лингвиста по-разному оценивают вклад Джезнова в затронутую проблему. Гарсия Рамон не скупится на положительные характеристики: «Книга даёт больше материала, чем обещает её название» (с. 25); «Книга Джезнова — выдающийся, эпохальный труд, в котором представлена чрезвычайно подробная модель индоевропейского глагола и предложены новые пути» (с. 34). Полное сочувствие у рецензента вызывают идеи об аористе с флексией *-h₂e, и его связи с сигматическими формами, аблауте

¹⁰ Ср. также гомеровское τετευχώς (Od. 12, 423) и крито-микенское tetukowoа (KN Ld 87); tetukowo₂a (PY Sa 682) ‘слаженный’.

¹¹ Его след проявляется в том, что формы на –ег часто встречаются в неопределённо-личных предложениях: peskir ‘давали, было дано’, daskir ‘брали, было взято’. См. [KRASUKHIN 2000: 53].

о/е, а также подробная классификация презенсов, связанных со спряжением на *-hi*. Возражения, сделанные Гарсия Рамоном, суть следующие. 1. Рецензент отрицает фонетический закон *-ie > -io* (т.е. безударное *e* при невозможности редукции переходит в *o*). С помощью этого закона Джекзон объясняет степень *o* в окончании медиа типа **kéi-o* (см. ещё JASANOFF 1978). Можно согласиться с тем, что такое объяснение неубедительно. Подавляющее большинство глаголов с флексией нестандартного медиа *-e* (< **e/o-i*) в ведическом окситонно (баритонно только *śáye*; см. об этом подробнее: Krasukhin 2000), а литовское окончание активных тематических глаголов *-a* может восходить только к **-o*. Реконструкция **-e(актив)/*-o(медий)* остаётся спорной. Но это не основание для отвержения вышеупомянутого закона. Другое замечание Гарсия Рамона заключается в том, что окончание 1 л. **-o* не едва ли апокопируется в **-oH#*, с чем можно согласиться.

Эттингер гораздо более критичен к рецензируемому автору. С его точки зрения, два положения Джекзона остаются недоказанными. Во-первых, происхождение спряжения на *-hi* из «протомедия». Эттингер полагает, что четыре глагольные подсистемы (перфект, спряжение на *-hi*, интенсив и презенс с редупликацией) происходят из особой категории, названной «прото-интенсивом». Он характеризовался редупликацией и степенью *o* корневого вокализма (развившейся, по-видимому, в безударной позиции). По мнению исследователя, именно та-

кая реконструкция и может объяснить все особенности различных классов глаголов на *hi* — стативный, переходный с различными степенями вокализма. Эттингер также выделяет итеративы среди глаголов на *-hi*: *sarapí* ‘высасывать’ (итератив по сравнению с *ekuzi* ‘пить’) происходит из «прото-интенсива» **se-srob^h-he* (ср. итератив в лат. *sorbeo*, греч. *ροφέω*). Также скептически относится рецензент к идее о существовании «аориста с **-h₂e*»: ни формальной, ни функциональной близости хетт. *daí* и др.-инд. *ádhat*, по его мнению, не существует, хеттский презенс был изначально редулицирован. Замечу, что это во многом дезавуирует и мнение Вяч.Вс. Иванова (1981) об особой связи хеттских глаголов на *-hi* с аористом. Идея же о том, что хеттское спряжение на *-hi* восходит не к перфекту, а презенсу, Эттингер оценивает высоко. Он именует её «Колумбовым яйцом» — по её простоте и ясности, не замеченной предшественниками. На мой же взгляд, эта мысль, не вызывающая возражений, напрямую вытекает из пионерской работы В.И. Георгиева (GEORGIEV 1975), не упомянутой ни Джекзоном, ни рецензентами. По мнению Эттингера, рецензируемая книга не содержит строгих доказательств заявленных положений. Однако он отдаёт должное той смелости и последовательности, с которыми Джекзон строит свою глагольную парадигму. Книга содержит не строго обоснованную теорию, но фундамент для подобной теории в будущем. Я бы сказал так: как ни оценивать отдельные положения монографии Джексона,

считаться с ними будут индоевропейцы всех поколений, вне зависимости от согласия или несогласия с автором.

ЛИТЕРАТУРА

БАДЕР 1989 – БАДЕР Ф. *Флексии сигматического аориста* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI: Новое в индоевропеистике/ под ред. Вяч.Вс. Иванова. М., 1989.

КРАСУХИН 1987 – КРАСУХИН К.Г. *К вопросу о соотношении индоевропейского активного и среднего залога* // Вопросы языкознания, 1987, № 6.

КРАСУХИН 1989 – КРАСУХИН К.Г. *Значение оппозиции атематических и тематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции* // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры/ Отв. ред. Н.З. Гаджиева. М., 1989.

КРАСУХИН 2004 – КРАСУХИН К.Г. *Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис.* М., 2004.

ХОДОРКОВСКАЯ 1989 – ХОДОРКОВСКАЯ Б.Б. *К проблеме корневого вокализма индоевропейского сигматического аориста (вокализм сигматических образований глагола в латинском языке)* // Вопросы языкознания, 1989, № 6.

ADRADOS 1988 – ADRADOS F.R. *Perfecto, voz media y desinencias indoeuropeas* // Adrados F.R. *Nuevas estudios de lingüística indoeuropea.* Madrid, 1988.

BADER 1978 – BADER F. *Flexion d' aoriste sigmatique* // Mélanges offertes a M. Lejeune. Paris, 1978.

BEEKES R 1969 – BEEKES R.S.P. *The development of Proto-Indo-European laryngeals in Greek.* Hague, 1969.

COWGILL 1979 – COWGILL W. *Anatolian hi-conjugation and Indo-European Perfect: Installment II* // Hethitisch und Indogermanisch / Ed. W. Meid, E. Neu. Innsbruck, 1979.

EICHNER 1975 – EICHNER H. *Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems* // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der idg. Gesellschaft. Wiesbaden, 1975.

GARCIA CASTILLERO 2002 – GARCIA CASTILLERO C. *Zum indoiranischen Typ *sáye, sére** // Historische Sprachforschung, 2002, v. 115.

GARCIA RAMON 2006 — GARCIA RAMON J.L. *Rezensión: Jasanoff 2003* // Kratylos, 2006, Bd. 51.

GEORGIEV 1975 — GEORGIEV V.I. *Zur Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien* // Балканско езиковедие, 1975, т. 18.

JASANOFF 1978 – JASANOFF J. *Stative and Middle.* Innsbruck, 1978.

JASANOFF 1973 – JASANOFF J. *The Germanic, third weak class* // LANGUAGE, 1973, V. 49.

JASANOFF 1979 – JASANOFF J. *The position of hi-conjugation* // Hethitisch und Guclogermanisch/ ed. W. Meid, E. Neu. Innsbruck, 1978.

KØLLN H. *Oppositions of Voice in Greek, Slavic, and Baltic.* København, 1978.

KRASUKHIN 2000 – KRASUKHIN K.G. *The Indo-European root *dheugh-: Its morphology, meaning, etymology (in comparison with similar forms)* // Journal of Indo-European Studies. 2000, v. 28.

KRETSCHMER 1949 – KRETSCHMER P. *Die objective Konjugation im Indogermanischen.* Wien, 1949.

KÜMMEL 1996 – KÜMMEL M. *Stativ und Passiv-aorist im Indogermanischen.* Göttingen, 1996.

KURYLOWICZ J. 1932 – KURYLOWICZ J. *Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite* // BSL, 1932, v. 33.

KURYLOWICZ 1977 – KURYLOWICZ J. *Problèmes de linguistique indo-européenne.* Wrocław et al. 1977

OETTINGER 2006 — OETTINGER N. *Rezensión: Jasanoff 2003* // Kratylos, 2006, Bd. 51.

PEDERSEN 1939 – PEDERSEN H. *Hethitisch und andere indoeuropäische Sprachen.* København, 1938.

POOTH 2000 – POOTH R. *Stativ vs. medium im Vedischen und Avestischen* // Historische Sprachforschung, 2000, Bd. 2000.

POOTH 2001 – POOTH R. *Studien zur frühindogermanischen Morphologie I: "Stativ", "Medium" und "Perfekt"* // Historische Sprachforschung, 2001, Bd. 114.

Критика и библиография

RINGE 1990 – RINGE D. *The Tocharian active s-preterite: A classical sigmatic aorist* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1990, Heft 51.

RISH 1975 – RISH E. *Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas* // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der idg. Gesellschaft. Wiesbaden, 1975.

SCHMITT-BRANDT 1967 — SCHMITT-BRANDT R. *Die Entwicklung der indogermanischen Vokalsystems*. Heidelberg: J. Groos Verlag, 1967.

STANG 1932 – STANG CH. *Perfektum und Medium*

// Norsk tidsskrift for sprogvidenskab, 1932, v. 6.

STANG 1942 – STANG CH. *Das baltische und slavische Verbum*. Oslo, 1942.

STANG 1970 – STANG CH. *Die athematische, Verbe im Baltischen* // STANG CH. *Opuscula linguistica*. Oslo, 1970.

WATKINS 1962 – WATKINS C. *Indo-European Origins of Celtic verb: The sigmatic Aorist*. Dublin, 1962

К.Г. КРАСУХИН

DEE J. H. *Repertorium Homericae poiesis Hexametricum: a repertory of the Hexameter Patterns in the Iliad a. the Odyssey*. Vol. 1-2. Hildesheim, 2004.

Джеймс Ди начинает свою книгу с утверждения, что она — самый странный из всех справочников по гомеровскому эпосу. С этим трудно согласиться: метрический аспект в «Илиаде» и «Одиссее» очень важен, и потребность в такой репертории кажется вполне естественной. Тем более что для филологов-классиков, насколько мне известно, ещё не написаны метрические программы, которые позволяли бы находить определённые схемы с той же лёгкостью, с которой интерфейсы к TLG позволяют отыскивать определённые словоформы. Таким образом, трудоёмкая работа Дж.Ди ценна как для специалистов в области метрики, так и для тех, кто только начинает знакомство с греческим гекзаметром и нуждается в самопроверке.

Первый том книги после краткого предисловия даёт 27 803 стиха «Илиады» и «Одиссеи» в порядке их следования в тексте; приводятся и строки,

исключаемые большинством издателей¹. Каждому гекзаметру сопоставлена метрическая схема и её номер от 1 до 32. Кроме того, стихи с прямой речью сопровождаются пометой ≈ (или ≈≈ для речей в речах), а группы стихов с одинаковой метрической схемой выделены знаками = или ÷. Таким образом, справочник позволяет легко оценить степень метрической монотонности каждого фрагмента и с удобством подсчитать объём речей персонажей на его протяжении.

Второй том содержит те же самые гомеровские стихи, но сгруппированные по схемам (т.е. сначала все чисто дактилические стихи, потом строки с первым спондеем и т.д.); внутри этих групп гекзаметры расставлены по алфавиту.

Греческий текст в двухтомнике не дублирует ни одно из существующих

¹ Правда, последние 34 стиха в доступном мне экземпляре из библиотеки РГУ отсутствуют, но, очевидно, виной тому типографский брак — нехватка последнего листа. Во всяком случае, во втором томе эти строки имеются.